

УДК 261.7

ДИСКУРС О ГОНЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ АПОЛОГЕТИКЕ МАРГИНАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена», г. С.-Петербург

Рассматривается семиотическая специфика дискурса о преследовании, регулярно воспроизводимого в коммуникативном пространстве маргинальной религиозности. Особое значение придается анализу прагматики основных элементов, формирующих понятийную сферу современного религиозного преследования. Анализируются причины широкого понимания преследования и трансформации понятия религиозного преследования в пустое понятие. В качестве источников авторы используют оригинальные публикации в Интернете. Исследование проводилось в рамках семиотического и герменевтического подходов к изучению религиозных явлений и процессов.

Ключевые слова: *гонения, мученичество, апологетика, маргинальная религиозность, эсхатология.*

Дискурс о религиозных гонениях, под которыми принято понимать «персональное и коллективное страдание за веру» [7, с. 248] имеет три основные временные модальности. Во-первых, это исторические гонения: на протяжении истории христианская Церковь претерпевала репрессии со стороны различных религиозных и политических сил. Во-вторых, это эсхатологические гонения, которыми согласно христианской апокалиптической традиции будет сопровождаться воцарения антихриста. Описания предстоящих эсхатологических гонений занимают важное место не только в библейском апокалиптическом и позднейшем теологическом дискурсах, но и в современных профетических апокрифах, приписываемых различным «старцам», «старницам», «тайновидцам», «очень верующим братьям» и др. Наконец, существует модальность, которую мы определим как вероятностную модальность настоящего предэсхатологического времени (о которой нам уже приходилось писать). Связь с эсхатологией допускается как вероятностная, причем эсхатологические коннотации не являются в любом случае доминантными и не предполагают актуализации в ближайшей временной перспективе, задавая неопределенно широкие интерпретативные границы. Именно анализу данной модальности дискурса о гонениях и посвящена настоящая статья.

Современный дискурс о религиозных гонениях представляет собой плохо структурированную совокупность нарративов и высказываний о целенаправленном создании в широком смысле препятствий ре-

лигиозной деятельности независимо от субъекта этой деятельности. Им могут быть отдельные лица – священнослужители, проповедники, «братья и сестры», общины, конфессии и даже религии. Такое понимание гонений может показаться неоправданно широким и противоречащим традициям христианской агиологии и церковно-исторической науки, в рамках которых собственно и происходило формирование соответствующих концептов и категорий. Действительно, традиционно церковно-историческая наука под гонениями понимала «гонения исторические» – репрессивную политику языческого или в Новейшей истории – атеистического государства против христианской церкви, проявляющуюся в совершенно четких формах – казни, тюремное заключение, ссылка и т. п. Частные случаи гонений, движимые фанатизмом и религиозной нетерпимостью отдельных лиц при фактическом неучастии власти равно как стихийные гонения-погромы, приведшие к мученичеству, в агиографии представлены, но они являются скорее исключениями. Однако в любом случае, в традиционном церковно-историческом дискурсе гонения связаны с мученичеством, причем эта связь имеет двунаправленный характер: одного не бывает без другого.

Почитание мучеников и исповедников в историческом христианстве всегда было исключительно важным компонентом почитания святых, поэтому и для церковного прославления мучеников были сделаны канонические исключения, облегчающие канонизацию – сам факт мученической смерти становится главным критерием святости. Именно для мученичества было оговорено «крещение кровью» как присоединение к церкви. В любом случае, планка мученичества была поднята очень высоко. Так, в декрете Геласия, латинском каноническом памятнике начала VI в., утверждается необходимость всенародного чтения актов мученичества, в «которых победа мучеников и их удивительное исповедничество блистают через многообразные перенесенные ими пытки. Ибо, какой верующий может сомневаться, что их страдания превосходили меру человека и они смогли перенести их не благодаря собственной силе, а благодаря Благодати и помощи Божией?» (цит. по: [3, с. 94–95]). С другой стороны, именно такие перспективы приводили ряд людей в ужас и побуждали уповать на избавление от мученичества – свидетельством именно такого восприятия является, например, «Увещание к мученичеству» Оригена Александрийского. Феномен мученичества Нового времени, связанный, в частности, с буржуазными революциями, является предметом серьезных церковно-исторических исследований.

Следует отметить, что дискурс о гонениях и в современных исторических конфессиях преимущественно ограничен модальностью исторических гонений, которые часто упоминаются в гомилетических текстах, церковно-публицистических публикациях, популярной религиозной литературе и т. д. Эсхатология, применительно к

мейнстримным направлениям в исторических конфессиях, как правило, развивается в качестве кабинетной науки, поэтому она дискурсивно ограничена учебниками и специальными изданиями, имеющими обычно весьма ограниченную аудиторию читателей. Разумеется, значительное место эсхатологические гонения занимают в дискурсах народной религиозности, однако необходимо учитывать, что часто они выходят за нормативные границы конфессиональной теологии. В любом случае применительно к историческим конфессиям мы должны констатировать практическую неразработанность модальности настоящего предэсхатологического времени. Дискурсивная реакция на преследования христиан радикальными исламистами (напр., ИГИЛ, организация запрещена в РФ) скорее является нерепрезентативным исключением. Для маргинальной же религиозности характерно развитие всех трех модальностей дискурса о гонениях.

Следует отметить, что о мучениках и исповедниках веры сегодня говорят не только представители традиционных конфессий, характеризующихся разработанной агиологией, но и протестантских сообществ, формально-декларативно отказавшихся от почитания святых. Теологически, для них мученики должны выступать лишь поучительными примерами, часто имперсональными, но на практике ситуация выглядит сложнее. Протестантский дискурс о мучениках формируется таким образом, чтобы ключевые лексемы сохраняли семантическую амбивалентность, позволяющую их трактовать и как агиологические термины, обозначающие соответствующие ранги святости, и как своего рода метафоры и аллегории – при таком понимании традиционная агиологическая святость замещается святостью метафорической (не символической). Семантически это обеспечивается тем, что наряду с агиологическим термином «мученик», обозначающим строго определенный ранг святости, существует аналогичное общеязыковое слово, приложимое в принципе к любому заслужившему уважение/сожаление человеку, переносившему невзгоды ради значимой цели: «мученик идеи», «мученик науки» и т. п. – т. е. тот, «кого мучили», «кто мучился». При этом реальный денотативный диапазон того, что способно причинять мучения, оказывается весьма большим и укорененным в итоге в субъективном восприятии событий, степени сензитивности, особенности мироощущения. С этим все чаще сталкивается медицина: измерить, верифицировать интенсивность мучения практически нельзя, особенно когда оно не связано с прямым действием физического повреждающего фактора. Поэтому каждый раз возникает известная неопределенность, когда, например, баптистский проповедник говорит о «протестантских мучениках»: интерпретирует ли он их в качестве агиологических святых, выходя при этом за границы конфессионального богословия, понимает ли их «мученическую святость» в качестве аллегории или же использует лексему «мученик» в качестве общеязыкового слова в значении «хорошие по-

страдавшие люди». Семиотический дрейф позволяет создавать теологические концепты, которые не предполагают четкой дефиниции, реципиент должен их самостоятельно интерпретировать в соответствии со своими мировоззренческими установками. Терминологическая четкость в данном случае нежелательна, поскольку априорно ограничивает возможность «герменевтических маневров», тогда как метафоры и аллегории вполне уместны: каждый может их интерпретировать, не провоцируя при этом когнитивного диссонанса.

В условиях традиционной православной культуры протестантские проповедники особенно чувствительны к обвинениям в симпатиях к традиционной церковности. Нами несколько раз наблюдались попытки уйти от «конфессиональной неидентичности», в частности, через употребление конфессионально нейтральных синонимов вроде «приняли смерть за веру» или «пострадали за Христа». Однако прагматические преимущества использования элементов традиционного дискурса препятствуют полному отказу от них, соответственно возникает потребность в апологетике такого использования, способной утихомирить наиболее рьяных борцов за конфессиональную идентичность. Семантическая амбивалентность позволяет успешно использовать семиотический код традиционного христианства в протестантском теологическом контексте, формально не выходя за его границы. Семиотическая сущность данного герменевтического механизма не лишена интереса.

Подобные процессы семиотического переосмысления теологических категорий – преобразование богословских терминов в метафоры, за которыми скрываются трудно дефинируемые, зачастую вообще лишь интуитивно угадываемые понятия, позволяют сохранить элементы традиционного дискурса «мученик», «исповедник», «гонения» переосмыслив и предельно десемантизовав их содержание, что, в свою очередь служит целям семиотической мимикрии – создается видимость традиционной церкви при формальном соблюдении заданного теологического канона. Последнее имеет выраженное апологетическое значение, поскольку традиционализм воспринимается обществом как своего рода гарантия от сектантства, соответственно он может конвертироваться в различные предпочтения, однако может стать и основанием для обвинения в «отступничестве» со стороны особо бдительных «братьев». Кроме того, наблюдается своего рода метонимия: благоговение перед подвигом мученичества переносится на конфессию, к которой данные мученики причисляются.

Метафорическое именование почитаемого в протестантской общине религиозного деятеля «святым» позволяет сформировать своего рода устойчивую метафору, которая по мере ее усвоения дискурсом начинает утрачивать метафоричность. При этом аллегорическое по сути почитание (часто лишь в форме упоминания в проповеди) «метафорических святых», не подпадает под обвинение в язычестве, которое тради-

ционно используется радикальными протестантскими обществами для дискредитации агиологического почитания святых в православии и католицизме. Возникает вопрос, вовлекаются ли в указанный дискурс другие агиологические разряды? Эпизодически это встречается (нами зафиксированы «пророк», «праведная девственница», «благочестивая вдова»¹), но в развитом виде такая иерархия не представлена. Отчасти это, несомненно, связано с боязнью выстраивания «слишком православной» агиологической иерархии, что само по себе ставит вопрос о дальнейших дискурсивных актах, которые будут уже совершенно неприемлемыми. Поэтому все остальные иерархические ступени заменяются общей группой «очень верующий брат/сестра», иногда возможно «очень верующий пастор», видимо, как эквивалент «святителя». Иногда используется и псевдо-агионим «очень духовный брат/сестра», но чаще его использование обусловлено востребованностью антиинтеллектуальной и антикультурной повестки – для дискредитации образованных или даже просто хорошо воспитанных людей, которым априорно приписывается «бездуховность». Последние своей «ученостью» представляют известную угрозу для авторитета невежественных «очень духовных братьев». Использование в протестантской пара-агиографии кластеров типа «божьи генералы», «демонстраторы духа», «отцы пятидесятницы», «люди чудес», «катализаторы пятидесятницы» и подобных нами было проанализировано ранее [4]. В результате «гонения» семиотизируются и ритуализируются, обретая облик стандартной ритуальной наррации, обеспечивающей повышение социального престижа и социальное выживание через идентификацию с практиками определенных культурных групп [5].

В условиях «экспансии постмодернистской культуры» [2, с. 44] расширительное понимание, интерпретирующее в качестве гонений создание любых сложностей и ограничений религиозной деятельности, разрывает связь гонений и мученичества – такие «модифицированные гонения» порождают не мучеников – семя Церкви – но дискурс: это может быть алармистская публикация в Интернете, пара-эсхатологический нарратив, петиция или обращение в суд, апелляция к международному мнению. Мученичество трансформируется в семиотическую фикцию, аллегорию, мимикрирующую под символ: перед нами элемент дискурса, якобы символизирующий «гонения» и «преследования» при неопределенно широкой денотации. Благодаря этому, претерпевающий гонения получает в свое распоряжение семиотический механизм конвертации «факта гонимости» в духовный капитал при минимизации фактического ущерба: метафорические гонения порождают своих аллегорических мучеников – оштрафованных за административные правонарушения, выгнанных из арендованного помещения, лишенных

---

¹ Часто используется лексема «евангелист», но в сугубо протестантском значении, не в качестве агиологического ранга.

регистрации юридического лица, иногда – просто обруганных страдальцев (быстро развившаяся культура интернет-комментирования делает последнее исключительно легким). Что бы ни произошло – все присовокупляется к портрету мученика, который в итоге, по прошествии определенного времени будет восприниматься как мученик сам по себе, без анализа конкретных нарративов относительно тех или иных обстоятельств.

В современном обыденном дискурсе тема «гонения» действительно возникает часто и носит интерконфессиональный характер, но к ней могут относиться самые разные неприятные события, включая многообразные конфликтные ситуации, в том числе внутри прихода, благочиния, епархии. Так, например, канонические санкции в отношении бывшего протоиерея В. Головина, на первом этапе достаточно мягкие, сразу были объявлены его последователями «гонениями». Равным образом наложение запрета в священнослужении на священников, ушедших в так называемый «непомин» (отказ помянуть Патриарха по причине якобы еретичности последнего), сразу же объявляется «гонениями» (хотя, в соответствии с каноническими нормами, они должны не запрещаться в служении, но подвергаться более строгому наказанию – лишению сана) как самими запрещенными, так и их немногочисленными последователями. Но в подобных случаях отличительной особенностью таких событий является их интериоризированность, они остаются в пределах небольшого сообщества, именно в его границах именуется «гонениями» и не выносятся вовне, не экстериоризируются. Так, сторонники Головина, равно как паства «непоминающих батюшек» выражали и выражают свое негодование «гонениями» на тематических форумах, в комментариях к видеоматериалам, посвященным данной теме, что предполагает априорно ограниченную аудиторию читателей. За редким исключением, ведущими СМИ данные истории не освещаются.

Случаи экстериоризации, во-первых, в принципе редки, во-вторых, стали более частыми по мере воцарения реалий информационного общества, когда не только мелкие события, но даже намеренно охраняемые ситуации частной жизни могут «утекать» в тот же Интернет помимо желания тех, кто с этими событиями связан. И даже в случаях экстериоризации таких событий их участники вынужденно соглашались на уточнение, согласно которому слово «гонения» использовано в расширительном смысле, а не как пролог к разворачиванию некоего настоящего мученичества.

Как уже было отмечено выше, в профессиональном дискурсе Новейшего времени гонимость зачастую становится маркером эклезиальной состоятельности. Гонения инициируются диаволом, а он обязательно досаждал церкви. Значит, истинная церковь должна быть гонимой, при этом совершенно неважна реальная причина «гонений» и их масштаб. Апелляция к новозаветным событиям, используемая для обоснования аксиологического статуса «гонимой церкви», зачастую носит

анекдотический характер. Так, респондент Н., пастор харизматической общины, именно так интерпретировал расторжения договора аренды помещения: «Христа гнали, и нас гонят», из дальнейшего разговора выяснилось, что «да, задержали оплату на пару месяцев, что подождать не могли они? Мы и так их сильно благословили уже». Можно констатировать, что изначально такие гонения близки к скандалу. По мнению Н. Брукс, динамика скандала кратковременна, а потому далее необходима трансформация скандала в более типичный образ гонения с обранием этого образа типичными семиотическими деталями [1, с. 12]. Часто фиксируется именование должностных лиц, в которых по различным причинам видят «гонителей», Иродами, Иродиадами, прокураторами и т. д. Подобные явления являются также результатом протестантской дискурсивной практики постоянного проецирования тех или иных библейских событий, фактов, риторических фигур на обыденную жизнь. Так, баптистский проповедник С. называл автомобиль не иначе как «колесница», а также возмущался, что известную анатомическую деталь называют не так как положено, не «по-библейски» – не «сосцами», а «грудью». Любая реалья должна быть поименована и охарактеризована с помощью библейского текста. Et vice versa. Соответственно, если в Библии что-то говорится, должна быть найдена реалья, соответствующая этому, если она не находится, ее необходимо найти, причем желательно, чтобы образовывался непрерывный функциональный поток приписывания библейским текстуальным фрагментам тех или иных реальных соответствий. Если в тексте наличествует Иродиада или Иезавель, она должна быть найдена в реальности (еще лучше, если ее финал будет напоминать библейский рассказ), если сказано, что верных будут гнать, обязан появиться факт этих гонений, иначе функциональная последовательность может оборваться, что если и не ставит под сомнение пророческий дух Библии, но создает нежелательный зазор между библейским текстом и жизнью, обрывая череду эквивалентных соответствий, в результате чего возникает экзистенциальная пустота, реальность становится «небиблейской», а Библия утрачивает свою универсальную объяснительную и дескриптивную силу.

Поэтому другой наш респондент, информант С., баптист, именовал «Иродиадой» ничем не примечательную работницу коммунальной службы, требующую от руководства общины обеспечить зимой уборку снега перед молитвенным домом. Поскольку сам интервьюируемый осознавал, что интерпретировать данное вполне логичное требование в качестве гонений слишком провокативно, но, не желая отказаться полностью от дискурса о гонениях, истолковал его в качестве своего рода символа «предстоящих репрессий» – «доиграется (Иродиада. – *Прим. авт.*), скоро начнутся гонения на церковь Божию». Происходит гиперсемиотизация, когда любой знак интенсивно насыщается требуемой семантикой, даже если она отсутствует вовсе. Нами зафиксирован случай,

когда авторитетный член баптистской общины обещал мученический венец новопринятому брату, сильно расстроенному личными неприятностями. Как бы ни были тяжелы разрывы ценностно окрашенных отношений, вряд ли в этом случае правомерно вести речь о «венчике». Имело место или снисхождение с целью утешения расстроенного, или именно изначальная семантическая девальвация мученичества. Вопрос об общей девальвации святости в западном христианстве, в первую очередь, в виде поспешных канонизаций, мы в данной работе не рассматриваем ввиду его обширности.

Лидеры маргинальных групп, активно использующие интернет-ресурсы, достаточно стандартно демонстрируют характерные семиотические черты независимо от своей конфессиональной принадлежности. Семиотизация подобных личностей достаточно стандартно проходит определенный путь от «пострадавшего» через градацию «праведника» до «гонимого». Праведность обычно семиотизируется уже самим характерным визиотипом, включающим моторику, гестику, прическу, громкость, интонацию и мелодику голоса, паузацию речи, ее придыхательную несколько прерывистую подачу, склонность к патетическим восклицаниям. Последователей должен возглавлять праведник, поэтому семиотизация в качестве праведника происходит непрерывно и интенсивно, начиная от чисто бытовых (напр., семейных) страданий через игнорирования представителями духовенства и теологическими авторитетами к инвективным оценкам и, наконец, к собственно гонениям. Гонения должны и укрепить статус лидера, и дать еkkлезиологическое подкрепление созданной им группировки. Попытки рассмотрения канонических вопросов при плохом владении предметом нередко приводит к весьма экстравагантным взглядам. Нелепость и одновременно соблазнительность такой герменевтики вынуждает некоторых православных богословов давать публичный критический анализ подобных взглядов. Симпатий к критикам это не прибавляет, но характерно, что критики часто именуется «гонителями».

В качестве заявлений о начинающихся «настоящих» гонениях, выступают рассказы о сравнительно мелких бытовых неприятностях, за которыми, разумеется, стоят сатанинские силы. Наблюдается отчетливая гиперсемиотизация. Выстраивается семиотическая цепочка: аллегория бесов, а бесы могут гнать истинную церковь и опосредованно и непосредственно. При этом семиотика языка незаметно переходит в онтологическое отождествление, в перенесение семиотического сходства в саму реальность. Аллегория трансформируется в символ, который позднее утрачивает семиотический план. Это означает, что произошло нападение непосредственно бесов, а значит, о начале гонений уже можно говорить, можно даже торжественно предъявить случайные и незначительные факты бытовых неприятностей как подтверждение своей правоты, всех сомнительных поступков и, наконец, еkkлезиального ста-

туса собственных сомнительных групп. Не приходится сомневаться, что в разряд гонений будут заноситься любые эпизоды (включая высказывания), которые с этого момента будут происходить. Ситуация требует гонений, а значит, они будут тщательно выискиваться и предъявляться. Нападать могут и агрессивные домашние животные, и, например, вороны или чайки, они тоже являются хорошими претендентами на включение в нужный ряд семиотических трансформаций.

Показательной является реакция маргинальных православных обществ, например, на их критику в видеозаписях о. Г. Максимова, весьма корректных по содержанию. Так, представители и апологеты одного из лидеров царбожников Рафаила Берестова и руководитель маргинальной общины симонитов Бакатин не только заявили о «гонениях», но и именовали о. Максимова «легионом» и «синедрионом» [6]. То есть налицо протестантская семиотика поиска функциональных библейских аналогий («ругаться только теми словами, которые имеются в Библии»), а самое главное, создание ситуации с узнаваемым ролевым распределением: гонимые – гонители, причем гонители как земные (синедрион), так и сверхъестественно-демонические. В таких случаях наблюдается своеобразные явления семиотической операциональности, которые наиболее распространены среди протестантских сообществ. Реалии, обозначаемые с помощью тех или иных библеизмов, воспринимаются как более авторитетные, т. е. библеизмы подразумевают повышенную валидность. С другой стороны, человек, использующий элементы библейского дискурса, воспринимается как более авторитетная личность, включая и обладание особым сверхъестественным статусом (в основе данного операционального феномена лежит, по всей видимости, архаичная мифологема: определенный разряд слов и выражений не может быть использован кем попало, сам факт использования подтверждает особый статус использующего). Поэтому умение удачно цитировать Библию, даже наблюдаемое у несомненного атеиста, почти гарантированно поднимет его авторитет, хотя бы относительно, но, тем не менее, вполне заметно. Одновременно с этим, использование библеизмов и стилизация речи под Синодальный перевод выступает в качестве семиотического маркера «особой духовности». Поскольку маргинальная религиозность зачастую эксплуатирует мифологическую оппозицию мирское/духовное, интерпретируя ее компоненты при помощи механизмов эксклюзивной герменевтики, нарочитая стилизация дискурса позволяет на семиотическом уровне выстроить метонимические отношения тождества «библейски говорящих деятелей» с категорией особо духовных лиц, которые не хотят ничего знать, кроме Библии, т. е., в большинстве случаев, Синодального перевода (перенос качеств с речи на человека).

Высокий уровень вербальной агрессии, переход на личности, проклятия, угрозы, нецензурная брань в адрес «гонителей» вообще является типичной реакцией маргинальных религиозных сообществ на

любую критику, это свидетельствует о целенаправленном создании ими дискурса скандала с присущей ему семиотикой. Очевидно, что прагматически эта стратегия направлена на развитие дискурса о гонениях («гонители», обвиняемые адептами во всех грехах, должны оправдываться и выдвигать контробвинения), что позволит в дальнейшем заявлять об усилении гонений.

Список литературы

1. Брукс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала: сб. ст. М.: Европа, 2008. С. 7–13.
2. Губман Б.Л. Разум и вера: перспектива постметафизического мышления // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 3. С. 40–50.
3. Живов В.М. Святость: краткий словарь агиографических терминов. М.: Языки славянской культуры, 1994. 113 с.
4. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиотика протестантской параагиографии // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: «Философия». 2019. № 1 (47). С. 102–111.
5. Липский Б.И. Культура как режим выживания // Ритуальное пространство культуры. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского философ. общества, 2001. С. 5–8.
6. Максимов Г., свящ. Про «опровержение» симонита Баканина // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e-PfGmKgxg4>. (дата обращения: 08.01.2020).
7. Панченко А. А. «Трясуны»: дисциплинарное общество, политическая полиция и судьбы пятидесятничества в России // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 223–255.

DISCOURSE ON PERSECUTION IN MODERN APOLOGETICS OF MARGINAL RELIGIOSITY

V.Y. Lebedev*, A.M. Prilutskij**

*Tver State University, Tver

**Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

The article considers the semiotic specificity of the discourse on persecution, regularly reproduced in the communicative space of marginal religiosity. The particular emphasis is put on the analysis of the pragmatics of the basic elements that form the conceptual sphere of modern religious persecution. The reasons for the broad understanding of persecution and the transformation of the concept of religious persecution into an empty one are analyzed. As sources, authors use original publications on the Internet. The study was carried out as part of a semiotic and hermeneutic approach to the study of religious phenomena and processes.

Keywords: *persecution, martyrdom, apologetics, marginal religiosity, eschatology.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ПО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», С.-Петербург. E-mail: alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD, Professor, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru